

Анна Штак
Андреас Грау

The illustration depicts a man and a woman standing back-to-back on a grassy bank at night. The man, on the left, has dark, curly hair and a beard, wearing glasses and a dark green jacket over a white and blue striped shirt. He is adjusting his glasses. The woman, on the right, has long blonde hair in a ponytail and is wearing a light blue sweater. She is holding a small notebook and a pen, appearing to be writing. The background features a large, bright yellow moon in a dark blue night sky filled with stars. The water of the lake is visible in the distance, reflecting the moonlight. The overall style is a detailed, painterly illustration with a focus on atmospheric lighting and texture.

ТЕНИ
ШТАРНБЕРГСКОГО
ОЗЕРА

Клуб полуночных историй

Анна Штак

Тени Штарнбергского озера

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Штак А.

Тени Штарнбергского озера / А. Штак — «Эксмо»,
2026 — (Клуб полуночных историй)

ISBN 978-5-04-247084-4

Аспирантка Леа Тиль приезжает на конференцию в Баварию, не подозревая, что случайная встреча в поезде с обаятельным писателем Райнером Фастом станет началом опасной игры. Неожиданные знакомства, странные исчезновения и смерти постепенно выводят Леа к тайному ордену, чьи следы причудливо переплетаются с трагической гибелью ее матери и... древним договором с загадочным существом. Между Штарнбергским озером и замком Нойшванштайн Леа предстоит распутать клубок интриг, понять, кому можно доверять, и столкнуться с силами, которые веками скрывались в тени – и не прощают тех, кто нарушает их покой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247084-4

© Штак А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Штак, Андреас Грау

Тени Штарнбергского озера

© Штак А., Грау А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Туман стелется низко. Осторожной гадюкой он ползет между стволами деревьев, вязкой паутиной ложится на влажную, как после дождя, землю, обволакивает ноги и кажется почти осязаемым.

Реальность мрачна. Она напоминает выцветший черно-белый рисунок из книги со страшными сказками. Остроконечные ели с ветвями, похожими на волчий оскал. Тонкие, словно прутья, осины. Непроходимая стена шипастого терна. Природа словно ощерилась – и готова вцепиться в горло нежеланному гостю.

Но неведомый зов, твердая иррациональная убежденность заставляют идти вперед, раздвигая ветви, больно хлещущие по лицу и рукам.

В глубине страшного леса едва слышно играет музыка. Она будто с трудом пробивается из-под толщи воды. Из иного времени.

Вагнер. «Полет валькирий».

Мелодию ни с чем невозможно спутать. Тревожная, нагнетающая, полная пугающего, сумасшедшего ликования. Тяжелые ноты звучат пронзительно и неотвратимо, как шаги приближающегося к эшафоту палача. Вибрации, идущие из-под земли, перекатываются по воздуху и проникают под кожу.

Шаг.

Еще один.

Под ногами хлюпает вязкая жижа – не то болото, не то остатки пересыхающего ручья. Кажется, обувь безнадежно испорчена.

Леа идет вперед, хотя не помнит зачем. Она не чувствует ног, не ощущает времени. Девушка будто со стороны наблюдает, как ее безвольное тело движется сквозь туман – к озеру, что виднеется меж кустов терновника. Оно зовет. Его гипнотическая песня влечет, словно мелодия, срывающаяся с незатейливой дудочки-тростинки Крысолова.

Шаг.

Еще один.

Густой воздух пахнет прелыми листьями, мхом и гниющей тиной.

– Леа... – эхом звучит в голове.

Голос глухой. Мужской. Незнакомый. Отзвук фантомных воспоминаний.

– Леа... Как долго я ждал. Помоги мне, девочка...

Клубы тумана сгущаются и темнеют, как грозовые тучи, наливаясь алым цветом. Медленно вытягиваются вверх, будто решаясь обрести форму.

Как зачарованная, Леа смотрит на аморфное марево. Оно постепенно принимает очертания фигуры – высокой, в длинном темном плаще. Капюшон скрывает лицо. Но Леа знает – это мужчина. И именно он зовет ее по имени, завлекая все ближе к плещущим за кустами водам.

Она застывает. Не может крикнуть. Не может отвернуться. Слова висят в воздухе, как нить, связывающая прошлое и настоящее.

Боковым зрением в тумане Леа видит, точнее, ощущает, новое движение. Невесомый призрачный силуэт.

Девушка. Совсем молодая. Коротко стриженные темные волосы, торчащие в разные стороны, светлое развевающееся не то платье, не то плащ. Черты размыты. Девушка бежит, тревожно оглядываясь. Будто пугливая лань, гонимая охотничьим рожком. Терновник царапает ее кожу, цепляется за подол, но девушка не останавливается. Лишь у самой кромки воды она на короткий миг оборачивается, позволив рассмотреть свое лицо, – и исчезает.

– Мама! – хочет закричать Леа.

Но не может.

Леа нема. Будто ее голос забрала морская ведьма. Или то древнее зло, что колыхнется на дне озера, неторопливо поднимаясь на поверхность.

Тогда, двадцать лет назад, Леа и правда замолчала. Почти на год.

И снова – всплеск воды. Потом еще один. И тишина.

Леа рвется вперед, но ноги вросли в землю. Она лишь наблюдатель.

Мужчина в плаще стоит у самого берега. Над ним возвышается каменный крест. Поминальный.

И вдруг – движение за его спиной. Пятно света на воде.

Женская фигура в белом идет по поверхности. Тонкая. Бледная. Беззащитная.

Она смотрит на Леа – и медленно исчезает в зыбком отражении, поглощенная темными бурлящими водами и алым маревом.

– Время на исходе, – гремит над озером суровый приговор.

– Да... – шепчет мужчина у креста. – Времени не осталось, Леа. Костры Белтейна¹ скоро вспыхнут.

Запах донной гнили ударяет в ноздри. Тот самый. Запах смерти.

«Полет валькирий» гремит. Финальные аккорды рассекают туман и тишину, заполняя пространство торжественной безысходностью. Сравнимой с той, что испытывал Нерон, взирая на пепелище Рима.

Мгновение – и мир разломился. Скрежет металла, скрип тормозов, нарастающий гул толпы. В ушах сквозь эфирные помехи раздался суетливый голос машиниста:

– Мюнхен. Будьте внимательны, следующая станция – «Мюнхен».

¹ Кельтский праздник начала весны. Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

Глава 1

Знакомство

Король Людвиг II Баварский, безусловно, остается самой загадочной фигурой в европейской истории второй половины XIX века. «Король-романтик», «последний рыцарь Европы» – эти эпитеты стали отражением глубокого конфликта между утонченной натурой Людвиг и наступающим веком прагматизма.

Взойдя на престол в восемнадцать лет после внезапной кончины отца, Людвиг пытался воплотить в жизнь возвышенные идеалы рыцарства, веря, что искусство и честь важнее политических интриг. Под его покровительством Мюнхен стал подлинным центром немецкой культуры, а великий композитор Рихард Вагнер завершил создание своего знаменитого цикла опер «Кольцо нибелунга». Парадоксально, что именно этот утонченный монарх привел Баварию в состав Германской империи, поддержав Пруссию в решающий момент объединения земель.

Прискорбно, но в личной жизни Людвиг так и не обрел счастья. Его единственной любовью осталась принцесса София Шарлотта Баварская, впоследствии ставшая женой герцога Алансонского. Несмотря на расторжение помолвки, их с Людвигом духовная близость сохранялась годами.

Особое место в этом союзе занимала опера Вагнера «Лоэнгрин» – история о рыцаре Граала, приходящем на помощь героине. Эта легенда о чистоте, сомнениях и невозможности абсолютного доверия стала для Людвиг и Софии символом отношений. В переписке они укрывались от реальности за именами персонажей: он был Генрихом Птицеловом, она – Эльзой. Образ рыцаря-спасителя, который вынужден уйти, если его тайна будет раскрыта, пророчески отразил их собственную печальную судьбу.

Главным наследием Людвиг стали его замки – воплощенные в камне грезы. Современники клеймили короля как растратчика казны. Однако возведение замков дало мощный толчок развитию прогресса. В резиденциях внедрялись передовые технологии: сложнейшие системы водопровода, телефонная связь и отопление. В Линдерхофе в 1878 году заработала первая в Европе стационарная электростанция производства компании Siemens. Парадоксально, что проекты, едва не разорившие монарха, сегодня приносят Баварии колоссальный доход как мировые туристические центры.

Финал этой драмы оказался трагичен. Людвиг был объявлен невменяемым и отстранен от власти, а вскоре его тело нашли в водах Штарнбергского озера. До сих пор неясно: была ли эта смерть случайностью или результатом политического убийства, оборвавшего путь последнего романтика на троне. Также существует версия о вмешательстве мистического толка, но в настоящий момент она считается наименее вероятной.

Из доклада Элизы Бауэр на студенческой научной конференции

Мюнхен, Бавария

– Притомилась, бедняжка, – прорвался сквозь сон тихий женский голос с нотками сочувствия.

– Молодежь сейчас много работает, – отозвался второй голос. – Совсем себя не жалеют. Мой внук в пять утра на работу выезжает.

Поезд мягко качнуло, и он начал замедляться, чуть дергаясь вперед, будто машинист был недостаточно опытен и не до конца освоил плавное торможение. Тело Леа Тиль непроизвольно откинулось назад, голова склонилась, но не к стеклу, а на чужое плечо. Сквозь сон она морщилась, но вырваться из дурманящих объятий Морфея никак не получалось. Слова женщин доносились как сквозь толщу воды или пуховую подушку. Состояние было настолько расслабленным, а тело – безвольным, что Леа ощущала себя тряпичной куклой, выскользнувшей из рук маленькой хозяйки прямо в лужу. Ватное туловище быстро впитало влагу и отяжелело, не в состоянии двинуться с места.

К тому же фрау² совершенно права: последние недели перед отъездом были сущим кошмаром. Закрытие бумажной работы на кафедре, подготовка материалов для вечерней школы, где Леа трудилась преподавателем и взяла отпуск незадолго до конца учебного года, контрольная рассылка студентам... Заключительное занятие она вела на автопилоте. А после еще и подготовка к научному симпозиуму в баварском Берге, куда ее, аспирантку университета Бохума, пригласили по большой удаче.

Поездка в Баварию тревожила Леа с того самого момента, как пришло официальное приглашение. Слишком много совпадений – таких, от которых ладони покрываются липкой испариной. Тот же симпозиум. Та же тема – «Трансформация монархии в Южной Германии во второй половине XIX века». То же место – альпийский городок Берг.

Почти два десятка лет назад мать Леа, Элиза Бауэр, так же тряслась в скоростном поезде, направляясь на юг в командировку. Из Берга женщина не вернулась. «Несчастный случай», – гласил полицейский отчет. Бредившая Людвигом II, Элиза погибла, как ее кумир, утонув в Штарнбергском озере. Следствие не подтвердило ни убийства, ни самоубийства.

Но все, кто знал Элизу лично, тихо шептались, что она намеренно повторила путь Людвига с педантичной точностью. Эти слова больно ранили Леа, но со временем она смирилась с мыслью, что ее мама была немного не в себе и добровольно последовала за своим кумиром, оставив дочь одну.

Рядом зашуршал пакет, послышалось шипение открывающейся бутылки с газировкой, с грохотом покатился по проходу дорожный чемодан. А потом над самым ухом раздался бархатный мужской голос. Уверенный. С легкой ленцой. Так говорят жители южных приморских городов:

– Милые фрау, прошу простить мою супругу, – вкрадчиво произнес незнакомец. – Она слегка переутомилась, оттого теперь так сладко сопит. Мы лишь вчера отгуляли свадьбу.

Щеки Леа залились краской. Что? Мужчина же невозмутимо продолжил:

– ...и едем сейчас в наш медовый месяц в Альпы. Ну, знаете, озера, лебеди, замки, и ни души на несколько миль. Лишь девственная природа и двое влюбленных наедине со своей страстью...

Чего?! Сон сняло как рукой. Глаза Леа широко распахнулись, гневно сверкнув и намекая на крайнюю степень возмущения. Впервые в жизни спокойная и уравновешенная Леа Тиль, голос разума в любой компании, была готова наброситься с кулаками на постороннего человека. Впрочем, не так. На наглого лгуна, заливающегося соловьем.

² Немецкое уважительное обращение к женщине, означает «госпожа».

Секунду поразмыслив, Леа испугалась. Угрозило же столкнуться с психически нездоровым человеком. А вдруг он маньяк? Говорят, сейчас их немало развелось. Весна, конечно, уже далеко не ранняя, но периоды обострения, они такие... Порой внезапные.

Леа резко выпрямилась и посмотрела на «мужа» испепеляющим взглядом Кларка Кента.

Молодой человек ничуть не смутился. Он прищурился и с улыбкой кивнул на свое плечо, где еще несколько мгновений назад покоилась голова Леа, – будто предлагая продолжить сон.

Стыд-то какой. Она даже не заметила. Наблюдая, как на лице попутчицы проступает осознание, молодой человек заговорщически подмигнул.

На маньяка из вечерних детективов на RTL³ попутчик не походил. Скорее на приятного мужчину моложе тридцати. Растрепанные темные, чуть выющиеся волосы с тонкой паутинкой ранней проседи, таящие насмешку зеленые глаза за изящной оправой очков, аккуратная щегольская борода – будто еще вчера играл на сцене Арамиса⁴.

Но и в эстетику конца девятнадцатого века он тоже вписался бы без труда. Стоило лишь сменить джинсы и кроссовки на классические брюки и туфли. Светлую футболку и легкий летний пиджак можно было оставить.

Заметив, с какой внимательностью его разглядывают, мужчина улыбнулся шире. В глазах заплясали озорные искорки.

– Прошу прощения, – тоном строгой учительницы отчеканила Леа. За год преподавания он выработался до автоматизма. – Я действительно очень устала. Вам следовало меня разбудить.

– Что вы, милая Золушка, вам не за что извиняться. – Мужчина театрально приложил ладонь к сердцу. – Всем известно, что перед балом принцесса должна как следует отдохнуть. Мое плечо всегда к вашим услугам.

Он сощурился, явно ожидая продолжения непринужденного флирта. Наглец! Леа недовольно поджала губы. Из всех разновидностей навязчивых мужчин именно такие обаятельные болтуны вызывали у нее наименьшую симпатию.

– Спасибо, обойдусь, – сухо отрезала она. – А то ваша бурная фантазия не только поженит нас, но и сделает многодетными родителями. К такому ответственному шагу я пока не готова.

– Пока? Значит, шансы есть? – Собеседник запрокинул голову и расхохотался. – Простите, не удержался. Вы так сладко спали, а эти милые фрау так искренне за вас переживали, что мне пришлось сочинить легенду.

– Сочинить? – Леа раздраженно приподняла бровь. Может, он не так уж безнадежен, раз признает нездоровую склонность к сочинительству?

– Именно, – радостно просиял незнакомец. – Это то, что я умею лучше всего. Я писатель. Часто путешествую, наблюдаю за людьми и придумываю сюжеты. В этот раз история вышла простой, зато я смог побыть не только автором, но и героем. Да и публика, как мне кажется, осталась в восторге. Правда, дорогие фрау? – «Сказочник» подмигнул старушкам. – Я ведь мог сказать, что вы – известная пианистка. Но, согласитесь, *медовый месяц в Альпах* звучит куда поэтичнее.

– О да, – обреченно прошептала Леа, окончательно решив, что перед ней городской сумасшедший. – Ужасно романтично. Как начало романа Агаты Кристи. Я, конечно, не знаток, но могу предположить, чье убийство будет расследовать детектив.

Леа многозначительно усмехнулась. Она уже не спала, но и не проснулась до конца. Мысли текли медленно, как вода по глине, и никак не хотели собраться вместе. Призрачный медовый месяц, прилипчивый попутчик с зелеными глазами Гарри Поттера, сердобольные ста-

³ Немецкий общенациональный телеканал.

⁴ Арамис – один из трех мушкетеров в одноименном романе Александра Дюма; утонченный, скрытный и честолюбивый, он разрывается между военной службой и духовной карьерой, сочетая изящество манер с холодным расчетом и политической хитростью. – *Прим. ред.*

рушки, воспоминания о матери, замок и призывно бурлящие воды Штарнбергского озера – все перемешалось.

– Райнер, – протянул руку мужчина. – Райнер Фаст. Писатель, путешественник, иногда безбилетный мечтатель. Не сегодня, – последнюю фразу он добавил, перехватив осуждающий взгляд старушек напротив. И тут же продемонстрировал краешек билета, достав его из нагрудного кармана пиджака.

– Леа Тиль, – по инерции ответила Леа. Имя сказочника показалось ей знакомым. – Историк. Использую незнакомцев в качестве подушки.

– Значит, я угадал, – промурлыкал Райнер. – Вы настоящая принцесса Леа.

– Леа, – резко поправила девушка. Не первый фанат «Звездных войн» в ее жизни. Далеко не первый.

Между тем взгляд Райнера стал цепким, как у полицейского, который заметил подозреваемого и теперь по мелким деталям пытался восстановить картину преступления. Ну или так смотрят писатели, наметившие себе в персонажи очередную жертву. Только вот Леа не собиралась быть ничьей героиней. Поджав губы, она отвернулась к окну, дав себе слово до конца поездки игнорировать Райнера. Благо ехать осталось недолго.

Спустя десять минут фоновый шум вагона разрезал громкий голос машиниста:

– Уважаемые пассажиры! Поезд прибыл на Южный вокзал Мюнхена – конечный пункт нашего маршрута. Благодарим за поездку, просим всех освободить вагоны. Deutsche Bahn⁵ желает вам прекрасного дня.

Эти слова вернули Леа в реальность. Она подскочила и резко схватила плащ, дамский рюкзак и небольшой дорожный чемодан. Раздражение внутри внезапно нахлынуло с новой силой. Как в ситуации, когда остроумный ответ приходит в голову спустя несколько дней. Зачем она вообще вступила в диалог с незнакомцем? И как этот самоуверенный шутник посмел так свободно сделать ее частью своего глупого спектакля? Псих! Лишь бы следом не увязался!

– В следующий раз, герр⁶ Фаст, держите свои фантазии при себе, – нервно бросила Леа, уже стоя в проходе. – Большинство людей обладает меньшим терпением и может заявить в полицию.

– Простите, фройляйн⁷ Тиль, за неумную фантазию, – весело усмехнулся Райнер, не двигаясь. – Вам бы тоже не помешало развивать свою. Вы ведь и впрямь похожи на Золушку, задремавшую в тыкве... простите, в карете.

Фройляйн? Серьезно? Так уже лет пятьдесят никто не говорит. Или это дешевый способ подчеркнуть собственную старомодность? Не дожидаясь новых сравнений, Леа резко развернулась и, коря себя за то, что не ушла молча, выскочила из вагона, оставив после себя ураган невысказанных ругательств и... черную кожаную сумку с ноутбуком.

Райнер взглянул на убегающую девушку, затем на сумку, оставшуюся сиротливо стоять у окна, и вздохнул. Старушки, все еще сидящие на своих местах, переглянулись и понимающе заулыбались.

– Ну точно же Золушка, – с мягкой усмешкой пробормотал Райнер. – Даже «туфельку» оставила.

Он встал, подхватил свой холщовый шопер, полный книг, и забытую сумку Леа. Затем обернулся к дамам:

⁵ Немецкая железная дорога.

⁶ Немецкое уважительное обращение к мужчине, означает «господин».

⁷ Обращение к незамужней женщине в Германии, аналог русского «барышня». В настоящий момент используется в основном пожилыми людьми.

– Милые фрау, позвольте поблагодарить за чудесную поездку и теплую компанию. Было честью разделить с вами дорогу. Желаю приятного вечера. А я попробую все же догнать свою красавицу «жену».

С этими словами Райнер театрально поклонился и, взяв еще небольшой чемодан, поспешил вслед за девушкой, растворившейся в утренней суете.

Глава 2

Добро пожаловать в сказку, принцесса

12 июня 1886 года

Берг, Бавария

Моя дорогая София!

Прости за то, что перекладываю бремя ответственности на твои хрупкие плечи. Тени сгущаются, и ныне каждый прожитый день может стать для меня последним. Я боюсь не успеть завершить предначертанное долгом истинного сына Баварии, но надеюсь – это сумеешь ты. К письму я прилагаю документы, проливающие свет на события, что перекроили карту Европы и предрешили нашу судьбу. Можешь прочесть их, и тогда многие мои поступки обретут в твоих глазах смысл. Но лучше просто сохрани их до срока, когда истина наконец восторжествует. Знания, что таят эти письма, опасны. И я бы не подвергал тебя риску, если бы не видел в том единственного шанса на спасение нашей Баварии.

Восемнадцать лет разлуки... Слишком долгий срок для сердец, что когда-то бились в унисон. Я часто думаю о том, какой могла стать наша жизнь, не будь мы разлучены злой волей обстоятельств. Все эти годы, вверяя бумаге скупые строки писем, я так и не нашел в себе сил на ту искренность, к которой стремилась душа. Я медлил, боюсь потревожить твой покой и вовлечь тебя во тьму, что с каждым годом все плотнее окутывала мой трон.

Теперь я пишу в безмолвии опустевшего замка. Коридоры замерли, и кажется, будто в этих стенах не осталось ни единой живой души. Но это лишь видимость. Обманчивый покой, созданный безучастными камнями. Снаружи же притаилось нечто бесконечно далекое от мира людей. Оно не нуждается в приглашении и просто ждет своего часа. Своей законной добычи. Я ощущаю его дыхание так же ясно, как жар очага.

Но всему свой черед. Я пытаюсь собраться с мыслями, чтобы поведать главное. О многом ты знаешь или догадываешься, но иное станет для тебя откровением.

Двадцать два года назад жизнь изменилась бесповоротно.

В те дни я не мог помыслить, что стал не королем – пешкой в руках опытного игрока. Что все случайности заранее рассчитаны. И в нужный момент скрытые пружины будут приведены в действие с определенной целью.

12 марта 1864 года – этот день я запомнил навсегда. Я стал королем, хотя мне было всего восемнадцать. Праздничную коронацию провели в тени неостывшего праха моего отца. Будто мир лишился рассудка.

Матушка тогда оставила меня, запершись в своих покоях. А брат, накануне отправленный в кадетский корпус, не спешил возвращаться. Я помню себя совершенно одиноким в огромных залах среди абсолютно чужих людей. Получи я в тот момент больше поддержки от семьи, многих глупостей удалось бы избежать.

Но тогда я и представить себе не мог, какая цепь событий уже запущена. Что тени далекого, невероятно далекого прошлого окажутся вовсе не тенями, а страшные сказки – еще более ужасающей реальностью. Что сквозь незыблемые, казалось бы, христианские устои начнут пробиваться ростки

древних культов, а средоточие тьмы приблизится на расстояние вытянутой руки...

Из прощального письма Людвига II Баварского к Софии Шарлотте Августе, герцогине Алансонской

Весна 2018 года

Мюнхен, Бавария

Южный вокзал Мюнхена встретил Леа утренней суетой и ароматом свежей выпечки и крепкого кофе, соблазнительно щекочущим ноздри. Желудок призывно заурчал, напомнив, что накануне девушка пренебрегла ужином, а булочка с яйцом под сырной корочкой – недостаточная замена полноценному обеду. Но Леа отмахнулась от этих мыслей. Она так спешила отделаться от назойливого попутчика, что пробкой выскочила из здания вокзала, забыв не только об обеде, но и о встречающем ее на перроне профессоре. Научный руководитель Леа, Илиас Штайн, прибыл в Мюнхен накануне и обещал подобрать ассистентку до гостиницы.

Отель в Берге, где остановились основные докладчики, Леа, как аспирантке, не полагался. Пришлось самой забронировать недорогой пансион в центре города. И хотя дорога от Мюнхена до Берга занимала порядка часа, это было мелочью. Главное, что заявку на участие вообще одобрили. Для диссертации Леа и академического портфолио само присутствие на симпозиуме значило многое. Да и студентам вечерней школы будет о чем рассказать.

Немного отдышавшись, Леа огляделась.

Что-то было не так.

Она потянулась к плечу и... замерла. Там, где обычно висела тяжелая кожаная сумка с ноутбуком, камерой и материалами для работы, было пугающе пусто.

– Только не это, – прошептала Леа, с ужасом вспоминая мягкое кресло во втором классе, головокружение после сна, навязчивого весельчака и свой поспешный побег в духе героини Джулии Робертс.

Пальцы заметались по карманам в поисках телефона – но и он остался в чертовой сумке! Паника медленно подползала к горлу, готовясь впиться в него ледяными пальцами. Только не это. Панические атаки давно уже не навещали Леа, и она искренне верила, что излечилась от них. Но сейчас волны удушья постепенно накатывали, разгоняя по телу страх.

– Все в порядке, милая? – На плечо Леа легла тяжелая мужская рука.

Девушка резко обернулась и застыла, удивленно моргая.

Над ней склонился высокий мужчина. Не молодой, но принадлежащий к тому типу людей, которых возраст только красит. Легкие морщинки на лбу и в уголках глаз, благородные проблески седины в темных волосах, большие светло-карие глаза с озорным блеском, густые брови и щегольские усики. Вылитый Шон Коннери из «Горца», если бы не безупречно строгий современный костюм темно-серого цвета.

– Ты Леа, верно? – Мужчина приветливо улыбнулся.

– Да. – Девушка рассеянно кивнула, смутившись от фамильярного тыкания. – Герр... А откуда вы меня знаете? – уточнила она, прежде чем осознала: они знакомы. Симпатичный, но навязчивый профессор из Фрайбурга. Несколько раз приезжал с лекциями к ним в институт. Специализируется, кажется, на дохристианских временах, хотя последние годы в основном писал мемуары.

– Себастьян Хофман, для вас просто Себастьян. – Мужчина поклонился. – Как же я могу забыть милую ассистентку профессора Штайна, которая так прекрасно организовала поездку по замкам Рейна для моих студентов? Я говорил вашему руководителю, что такие кадры надо ценить. – Он кокетливо подмигнул.

Леа вздрогнула. Возможно, после встречи с докучливым писателем ей просто кажется, но сальные намеки в голосе и мимике вызвали чувство отвращения. И если Райнера Фаста она легко могла осадить, то профессора с его положением – вряд ли. Особенно если мечтаешь о карьере.

– Благодарю. – Леа коротко кивнула – выдать улыбку не получилось.

– Не хотите перебраться во Фрайбург? – с ходу предложил Себастьян и, увидев ужас в глазах Леа, рассмеялся. – Понял, начал слишком резко. Прошу прощения. – Подставив локоть, он испытующе посмотрел на девушку. – Позвольте взять ваш багаж и подвезти до отеля. Вы же тоже на симпозиум?

– Да, но не стоит. – Придя в себя, Леа замотала головой. – Профессор Штайн меня встречает. У нас есть еще дела в Мюнхене.

Объяснять подробности своего размещения и потери сумки с важными документами не хотелось. Потом сплетен не оберешься. Да и вообще, от таких людей лучше держаться на расстоянии. Что-то не то ляпнешь и не поймешь, почему вылетела с кафедры.

– Ах, вон оно что. – Себастьян огляделся. – Так вон же герр Штайн. Машет вам. – Он указал на противоположную сторону дороги. – Что ж, тогда увидимся позже, фройляйн Тиль, не буду навязывать вам свое общество. До свидания.

Коротко глянув в сторону Штайна, он удалился. Как-то слишком поспешно, но так лучше. Леа облегченно выдохнула. Она боялась, что герр Хофман увяжется следом. А ей еще объясняться относительно пропавшей сумки.

– Фрау Тиль! – с нотками усталого разочарования крикнул Штайн, пробираясь сквозь толпу. – Леа, ну где ты ходишь?

Девушка виновато развела руками. Профессор Штайн, как обычно невозмутимый, был в привычном твидовом пиджаке и с кожаным портфелем под мышкой. Он-то со своими папками не растает ни на миг. А рядом со Штайном... Ну кто бы сомневался? С ее-то везением! Стоял тот самый самодовольный весельчак из поезда. С двумя сумками в руках – своей и ее. Леа поджала губы, мысленно считая до десяти.

Нет, до десяти мало, надо до ста.

– Милая Золушка, хоть карета и превратилась в тыкву, потерянную туфельку мне удалось спасти, – расплылся в улыбке Райнер, протягивая ей пропажу. – Держите.

– Благодарю, – выдавила из себя Леа, выхватывая сумку. Улыбаться не хотелось даже притворно. В конце концов, это из-за него она выбежала из вагона, забыв все на свете. – Вы меня очень выручили, – добавила она поспешно, чтобы не выглядеть в глазах профессора грубиянкой.

– Тебе очень повезло, Леа, если бы Райнер не захватил сумку... – Штайн смерил ее недобрым взглядом. – Да не красней, как невеста перед алтарем. Хотя Райнер, конечно, умеет производить впечатление на девиц, – неверно истолковав ее реакцию, констатировал профессор. – И лично я счастлив, что архивные записи, взятые мной под расписку, не уехали обратно в Вестфалию.

Леа виновато опустила голову. Профессор мог бы приберечь нотации до более подходящего момента. Унижать ее при незнакомце не очень-то вежливо. Но Штайн, будучи старым приятелем родителей Леа, иногда позволял себе переходить границу.

Взгляд девушки между тем уперся в книгу, которую профессор держал в руках. Бестселлер «Тайна Черного лебедя» под авторством... Райнера Фаста. Вот почему имя показалось ей знакомым! Восходящая звезда мировой беллетристики, значит. Да, его псевдоисторические детективные романы наделали много шума как среди читателей, так и в профессиональных кругах. Райнер столь ловко использовал факты, выворачивая их наизнанку и подмешивая изрядную порцию богатой фантазии, что историки всерьез боялись, что увлеченная бульварным чтивом молодежь охотнее запомнит искаженные версии событий.

– «Умеет» – не то слово, – кисло согласилась Леа. Райнер лучезарно улыбнулся: или совсем не читает по лицам, или специально издевается. Скорее второе. – А вы, значит, тот самый герр Фаст? – Девушка кивнула на книгу. – Я думала, автор романа «Тайна Черного лебедя» постарше.

– Виновен, – весело кивнул Райнер, бережно удерживая сумку, пока Леа не перехватила ее крепче. – Подписать вам экземпляр на память? И, кстати, я – постарше. Постарше вас, дорогая принцесса.

– Обойдусь без автографа. И без книги, – хмыкнула Леа себе под нос. – Но позволю себе заметить, в третьей главе у вас описана встреча Максимилиана II с Лассалем в Бад-Киссингене в 1862 году. Беда в том, что Лассаль в то время обивал порог своей возлюбленной Елены фон Деннигес в Женеве. И ни о каких государственных делах не помышлял. Слишком смелое искажение, даже для беллетристики.

– О, так вы уже читали? Польщен! – просиял Райнер. Да что ж такое! Его и критикой не пронять. – Но, дорогая принцесса Леа...

– Леа! – возмущенно поправила девушка.

– Дорогая принцесса Леа, похоже, вы меня недооцениваете. – Райнер весело щелкнул пальцами. – В Государственном архиве в Кобурге хранится малоизвестное письмо от секретаря короля, где упоминается «встреча с прусским агитатором» в июле того года. Имя не указано, но Лассаль в это время как раз был неподалеку. А Киссинген – курорт, там все могло случиться.

Он посмотрел на профессора, будто прося подтверждения. Тот скептически поднял бровь, но все же кивнул.

– Архивный след действительно есть, – признал Штайн. – Правда, весьма и весьма косвенный. Но все же, Леа, щелкнуть по носу этого зазнайки нам нечем. Как бы ни хотелось. Райнер выискивает такие вещи с упорством маньяка. К тому же он не претендует на историческую достоверность. Мы не сможем подать на него в суд. – Штайн усмехнулся.

– Маньяк? И вы туда же, профессор? А я просто человек, болеющий за дело всей душой. – Райнер попытался изобразить печаль, но получилось не очень. В лукавом взгляде продолжали кружить игривые искры.

Леа развела руками, признав поражение. Глупо вышло. Она всегда считала, что подобного рода писаки руководствуются исключительно фантазией и не утруждают себя изучением фактов. Но Фаст, видимо, хотя бы «Википедию» читал.

– В таком случае мне остается лишь извиниться за сомнения, – проговорила девушка, надеясь, что искренность в голосе далась ей лучше, чем Райнеру обида.

– Я принимаю бой, – театрально вздохнул Райнер, поймав ее ладонь и поднеся к своим губам. – В смысле извинения.

– Так обычно и начинаются триллеры про маньяков, верно? – Леа выдернула руку из его цепких пальцев и обтерла о брючину.

– Кажется, вы поладили, – хмыкнул профессор. – Нам пора ехать. Леа, где там, говоришь, твоя гостиница? Далеко от центра?

– А разве принцесса не с вами? – разочарованно уточнил Райнер, когда они дошли до старенького «Мини-Купера» вызывающе желтого цвета. – Неужели в вашем прекрасном замке, то есть отеле, для Золушки не нашлось места?

Начавший утихать гнев Леа разгорелся с новой силой. Не хватало еще, чтобы Райнер начал рассуждать о ее размерах. Нет, толстушкой Леа не была, однако и миниатюрной назвать ее не получилось бы. При всем желании. Невысокая, с плавными изгибами бедер, пышной грудью и подтянутым, но далеко не спортивным животиком. «Совсем не похожа на изящную красавицу мать», – шептались знакомые. В старших классах Леа столкнулась с травлей от завистливых обладательниц менее женственных фигур и напрочь потеряла уверенность в себе.

Но Райнер и не думал развивать свою мысль. Он вопросительно смотрел на профессора, ожидая ответа.

– К сожалению, аспирантам номер за счет университета не положен. Только приглашенный. Как и тебе, – пожал плечами Штайн. – Надеюсь, в следующем году фрау Тиль защитится и станет полноправной участницей.

Леа облегченно выдохнула и сосредоточилась на поисках брони пансионата в телефоне. Адрес никак не открывался, карты подгружались с задержкой. Она уже начала ощущать неприятный холод в груди – предчувствие, что все идет не так.

– Раздать вайфай? У меня быстрый... – прозвучало из-за плеча.

Райнер и тут нос сунуть успел!

– Нет, – коротко ответила Леа, не оборачиваясь. – Я нашла.

– Ну смотри, мне не сложно, – пожал плечами Фаст, ненавязчиво переходя на «ты».

Но Леа не успела возмутиться – в телефоне как раз всплыло новое уведомление. Письмо из «Booking.com», отправленное двое суток назад:

Уважаемая фрау Тиль.

Мы с сожалением сообщаем, что ваша бронь отменена в связи с аварией в системе водоснабжения. Пожалуйста, примите наши извинения. Ваш платеж не списан. Ниже вы найдете рекомендации по альтернативным вариантам размещения.

Леа застыла.

– Нет... – прошептала она. – Какого черта?!

– Шевелитесь, – забеспокоился профессор, распахивая дверцу автомобиля и усаживаясь на водительское место. – Разберемся по дороге. – Он нервно огляделся по сторонам и быстро захлопнул дверь.

Леа почувствовала легкий холодок: слишком резкое действие для обычной ситуации. Но сейчас ее больше волновала собственная несобранность. Два дня! Прошло два дня, как отменили ее бронь! Она жадно всматривалась в строчки, надеясь найти опровержение очевидному.

– Ну, ты не первая, с кем такое случается. Наверное, – попытался посочувствовать Райнер, заглядывая через плечо. – Думаю, катастрофы нет. От твоего отеля до Берга добрых полтора часа поездом – не наездишься. И машины нет.

В его словах не было ничего особенного, но Леа, чтобы взбеситься, много и не требовалось.

– Да заткнитесь вы уже, герр Фаст.

– Райнер, – не без удовольствия поправил мужчину.

– Райнер! У вас транспорта тоже не наблюдается. А что до неудобств, я ради участия в этом симпозиуме и в палатке жить готова!

– Глупо, конечно, но романтично, – усмехнулся Райнер. – Я бы оценил, но оценит ли полиция? Никогда не просыпалась среди ночи от света фонарика в лицо и предложения поднять руки? Нет? И не рекомендую. Удовольствие так себе. На троечку. Есть способ лучше.

Он замолчал и выжидающе посмотрел на Леа. Как же это бесило! Фаст вел себя словно герой глупейшей пьесы, в которую втягивал всех окружающих. Будто вокруг не живые люди, а бездушные декорации!

– И какой же, Райнер? Не томите, – выдохнула Леа сквозь зубы. – Вы же в любом случае не оставите меня в неведении.

– Разумеется, Леа. Разумеется. Мне ведь тоже, как справедливо заметил профессор, достался лишь билет...

– Интересно как, – пробормотала Леа. – Симпозиум закрытый, зевак туда не пускают. Даже именитых.

На мгновение Райнер насупился, но в следующую секунду его глаза загорелись новой идеей.

– Предлагаю пари, – просиял он, поглаживая щегольскую бородку. – На желание. Если угадаешь, как я получил билет, можешь пожелать что угодно. Сделаю все, что в моих силах.

– Даже молчать в моем присутствии?

– Конечно. Но тогда и у меня будет желание...

– Оно не потребуется, – замотала головой Леа. – По рукам!

Вариантов попасть на симпозиум у постороннего человека практически не существовало. Точнее, их было всего три. Первый – получить билет как сопровождающее лицо: такой допуск распространялся лишь на официальные мероприятия и не предполагал участия в научной программе. Второй – выступать по доверенности, если обладатель именного приглашения по какой-то причине не мог присутствовать и передавал право чтения доклада. И, наконец, третий – быть меценатом симпозиума или членом его семьи.

Райнер вполне мог воспользоваться любой из этих возможностей.

– Отлично. – Райнер пожал ее ладонь и снисходительным тоном добавил: – Задача сложная, поэтому даю тебе три попытки.

Леа довольно улыбнулась. Ну все, красавчик, играть тебе в пантомиму до конца симпозиума!

– Щедро, но я не откажусь. – Леа улыбнулась и впервые посмотрела на Райнера с оттенком кокетства. – Начнем с простого: банальное «плюс один». Ты выглядишь достаточно смазливо, чтобы пройти под руку с именитой, но престарелой докторшей.

Леа очень нравилась фантазия, в которой Райнер сопровождал пожилую даму, выполняя ее причуды ради присутствия на симпозиуме. Это выглядело самым вероятным вариантом.

– Мимо. – Райнер покачал головой, явно наслаждаясь процессом. – Как раз официальная часть меня интересует мало.

Леа прищурилась:

– Тогда у тебя, должно быть, есть доверенность? От бабушки, к примеру. Старик захворал, и ты приехал с его докладом поработать говорящей головой.

– Тоже нет. Последняя попытка?

Улыбка Леа стала напряженнее.

– Хорошо. – Она сделала вид, что пожимает плечами. – Остается спонсорская помощь. Вариант «богатый родственник» обычно многое объясняет.

– Прискорбно, принцесса, но снова не угадала, – мягко сказал Райнер.

Он выдержал паузу – ровно столько, чтобы Леа успела понять: она только что проиграла желание последнему человеку, с кем вообще хотела бы общаться.

– Я здесь как докторант, – добавил Райнер уже без шуток. – Институт исторической антропологии. Берлин. Тема докторской – «Германская мифология в историческом контексте».

Леа моргнула.

– Вы... то есть ты что, историк?.. – переспросила она медленно. – Подожди. То есть ты...

– Да, – кивнул Райнер. – Более того, я тоже учился в Бохуме, у Штайна. Но аспирантура у него не зашла. Не люблю дисциплину. К тому же я увлекся писательством, и времени на научные труды стало меньше. Штайн такого не любит. Пришлось подобрать место с более свободным графиком. Но мы все еще в добрых отношениях. Ну, я, по крайней мере, надеюсь. Встретить меня и помочь с вещами он не отказался.

Несколько секунд Леа молчала, переваривая услышанное.

Потом медленно выдохнула.

– Вот черт! И какое у тебя желание? – поинтересовалась она без энтузиазма.

– Я подумаю и сообщу. – Райнер усмехнулся. – Так о чем мы? Об отеле. В общем, я, как опытный путешественник, еще несколько месяцев назад арендовал апартаменты в семейном отеле «Дом Эдельвейсов». Прямо в Берге. С видом на озеро. И, к твоему счастью, я не против компании. Там две смежные спальни. Надеюсь, ты не храпишь.

– Спасибо, но нет, – категорически замотала головой Леа. – Я найду что-нибудь другое. Хостел или...

– Или перекантуешься пару дней под мостом? – раздраженно уточнил Райнер. – Я же от чистого сердца предлагаю помощь. Что не так-то?!

Что не так, можно было объяснять часами. В этот самый момент Леа прикидывала: если она согласится, а комнаты действительно смежные, не придушит ли она компаньона подушкой в ближайшую ночь? Мысли такие возникали.

В этот момент Штайн, уставший ждать, когда молодежь усядется, опустил боковое стекло и раздраженно поинтересовался:

– Ну где вы там застряли, молодые люди? Время! Сегодня вечером у меня встреча с коллегами. Я не хочу ее пропустить!

– У Леа отменили бронь, – пояснил Райнер, – и осталось два варианта: отправиться в гостевой дом под руку с благородным рыцарем или же остаться ночевать на вокзале. Впрочем, если по дороге в чудесный Берг у вас есть парочка мостов на примете, можем подбросить нашу даму туда. Познакомится с местными троллями.

Неизвестно насчет троллей, но, повстречавшись с Райнером меньше часа назад, Леа почему-то была уверена, что друзей у мужчины катастрофически мало, а хорошие знакомые в обществе прикидываются, что не знают этого болтуна. Не язык, а помело.

– Я бы не преувеличива... – начала Леа, но Штайн строго взглянул уже на нее.

– Послушай, Леа, Райнер не самый приятный человек, но все же советую с ним сойтись. У него есть счастливый дар общения и умение договариваться. Этот пройдоха умудряется проникать в архивы, которые даже мне недоступны. И так любит распушить хвост перед дамами, что непременно согласится помочь тебе в поисках информации. Ты ведь собираешься защититься в следующем году? Дружить с ним не обязательно, просто используй... – он выразительно прервался, – возможность.

Райнер посмотрел на профессора с театральным возмущением.

– А вот сейчас было обидно, герр Штайн. Не я ли был лучшим учеником и надеждой исторического факультета всего-то... – Фаст принялся загибать пальцы, но быстро сбился. – Всего-то несколько лет назад?

– Ты сам все бросил и подался в бульварные писаки, – буркнул профессор и снова повернулся к Леа: – Решай. Ты уже взрослая. По мне, отказываться от помощи в такой ситуации – глупо. Райнер не маньяк, если ты действительно в это поверила. Несносный болтун, но не маньяк. Ручаюсь.

Леа сжала губы, чувствуя, как раздражение борется с разумом. Потом кивнула:

– Хорошо. Но я плачу свою часть. И мне нужен отдельный ключ. И тишина после десяти.

Райнер лучезарно улыбнулся.

– Кажется, моя история про страстную новобрачную начинает оживать на глазах, – пробормотал он себе под нос. – Я уже чувствую – это будет незабываемый медовый месяц, наполненный страстью и роковыми тайнами.

– Да-да, – кисло усмехнулась Леа. – Все так. Я и название придумала: «Убийство на лоне природы». Не благодари.

Но Райнер уже ее не слышал, он пристально вглядывался в толпу, выходящую из здания вокзала, будто надеялся увидеть что-то необычное. Глаза, в которых еще минуту назад мерцали лукавые огоньки, сверкнули сталью. Губы вытянулись в прямую линию, мягкие черты лица заострились.

– Что-то не так? – насторожилась Леа.

Пытаясь проследить за взглядом Райнера, она завертела головой. У входа в вокзал отчаянно ревел карапуз, высокий блондин в строгом костюме быстрым шагом пробирался в здание против хода толпы, а парочка школьников с интересом косилась в сторону Райнера. Поклонники, что ли? Тяжело живется знаменитостям.

– Честно говоря, все не так, – вдруг признался Райнер, обиженно посмотрев в сторону водительского сиденья, но профессор Штайн уже поднял стекло и тихой реплики не слышал. – Будь настороже, ладно? – Его взгляд вдруг с любопытством замер на груди Леа.

– Что? – Девушка принялась осматривать себя: неужели пятно посадила?

– Очень красивая, – с искренним благоговением выдохнул Райнер. – Настоящая?

Из ушей Леа едва не повалил пар. Да как он смеет?! Да еще так открыто.

– Да... – Разум отчаянно метался в поисках изящного оскорбления. Спускать такое точно нельзя!

– Да? Тогда не стоит носить такую ценность в толпе, – весомо заметил Райнер.

– Ценность?

– Ну, брошь. Я таких вообще прежде не видел.

Только теперь Леа сообразила, что взгляд писателя прикован к роскошной серебряной броши в форме лебеда, крылья которого украшали розовые самоцветы.

– Напоминает легенду о Лоэнгрине, – продолжил он. – Я расскажу тебе... погоди, а ты о чем подумала?

– Ни о чем. – От собственных мыслей Леа была готова сквозь землю провалиться. – Поехали уже!

Реплика утонула в реве проезжающей мимо машины.

Глава 3

В краю лиловых коров

Когда автомобиль, преодолев бесконечные пробки в центре, выехал за город, Леа позволила себе немного расслабиться. Обычно дороги таких крупных городов, как Мюнхен, оставались относительно свободными. В Германии заторы чаще случались на автострадах. Но этой весной, похоже, баварцы решили отремонтировать и заасфальтировать все, что только возможно. Одно ограничение скорости сменяло другое, заставляя самых быстрых водителей Европы плестись вялым косяком друг за другом, проклиная щиты дорожно-строительных компаний, уверяющих, что потерпеть осталось совсем немного.

К тому же на горизонте маячили майские праздники – и как по команде толпы туристов, спасаясь от городского зноя, хлынули в сторону Альп. Семьи с детьми, велосипедисты, автокемперы – все они сливались в бесконечный поток, растянувшийся по проселочным трассам и пригороду, как пестрый, шумный ковер. Удивляться было нечему: горы, озера, свежий воздух – Бавария всегда считалась излюбленным местом отдыха осторожных немцев. Тех, кто страдал от аэрофобии, тушевался пробовать незнакомую еду, боялся обгореть под палящим южным солнцем. Даже весной.

Прожившая большую часть жизни в «Рурском горшке»⁸, Леа вглядывалась в проплывающие за окном пейзажи и гадала, будет ли у нее возможность хоть мельком вдохнуть горный воздух и побродить по лугам, или ее поездка снова сведется к пыльным музейным архивам и душным залам.

Город отступил. Его сменили холмы, покрытые высокой густой травой, ароматным медовым клевером и всполохами ярких, как маленькие костерки, одуванчиков, едва поднявших головы. По крутым склонам лениво разгуливали шоколадные буренки. Их кудрявые белые макушки то и дело ныряли в колышущееся на ветру зеленое море, жадно выискивая сладкие соцветия, с которых пчелы не успели собрать нектар. Эти движения сопровождались глухим звоном прилаженных к шеям животных колокольчиков. Леа, с детским любопытством горожанки, впервые оказавшейся в настоящей деревне, подмечала мелочи, которые раньше казались ей выдумкой.

Зачем коровам колокольчики?

Почему пастбище огорожено лишь тоненькой проволокой? Разве она удержит таких огромных животных?

Может, тогда и сиреневые коровы существуют? Есть же голубые кошки... Девушка молча смотрела в окно, не замечая тихого диалога на переднем сиденье.

Перед глазами словно в ретроспективеплыли фотографии из маминых командировок. В Баварии Элиза Бауэр проводила каждый год по две-три недели летом, в то время как Леа с отцом, мачехой и братом ездила отдыхать на море. Отец даже в шутку говорил, будто развелись они исключительно из-за ревности: он любил Элизу, а Элиза пылала страстью лишь к альпийским лугам.

– Здесь леса пахнут сказками, – часто говорила мама, показывая старые открытки из семейного альбома, больше походившие на иллюстрации детских книг про принцесс и рыцарей, чем на реальные места.

Маленькая Леа тогда не понимала, отчего голос матери наполняет грусть. Но, возможно, уже тогда сердце Элизы терзали тревожные предчувствия?

⁸ Сленговое название крупнейшей городской агломерации в Германии, расположенной в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия.

Симпозиум в Берге в начале нулевых стал ее последней поездкой.

Леа поморщилась. За прошедшие годы она научилась не думать о матери слишком часто, но сейчас тоска накатила с удвоенной силой. Почему мама ее оставила? Почему не обратилась к врачу при первых признаках депрессии? Не могло же столь радикальное решение прийти внезапно.

За два месяца до гибели Элизы ушла из жизни ее единственная родственница – бабушка Колетт. Последние дни мать провела с ней в Бельгии. Потом повезла прах на кладбище в Мюнхене, где покоились ее собственные родители. А оттуда сразу отправилась в Берг.

– Элиза была бы счастлива узнать, что ты наконец приехала, Леа, – прервал ее размышления Штайн.

Леа вздрогнула. Видимо, ее отражение в зеркале заднего вида слишком красноречиво выдало эмоции.

– Возможно, профессор. – Девушка вздохнула. – Она много раз обещала взять меня с собой, но всегда что-то мешало.

Маленькая Леа многократно просила маму о совместном путешествии, но та постоянно находила причины отложить поездку. То запись у зубного, которую никак не перенести, то день рождения подруги, которую нельзя обидеть, то поездка с семьей отца. Их совместный вояж в Баварию постоянно откладывался, пока так и не остался несбыточной мечтой.

– Элиза была влюблена в здешние пейзажи. И умела заражать этой любовью окружающих, – как ни в чем не бывало продолжил Штайн. – Я тоже поддался. Еще на первом курсе, когда мы вместе только поступили на исторический. Сам-то я всегда интересовался эпохой короля Карла...

– Да неужели? – вклинился в разговор Райнер. – Меня на практику вы возили именно по замкам Людвиг. Герр Штайн бывает излишне рассеян, не так ли, Леа?

От его тона у девушки по спине пробежал холодок: слишком уж разлилось это хлесткое замечание с манерной наигранностью, к которой она успела привыкнуть.

– Не так, – возразила Леа, подбирая слова, чтобы не оказаться между двух огней. – Профессор предоставляет выбор. Моя практика, к примеру, проходила в долине Мозеля.

– Как же ты оказалась втянута в симпозиум, посвященный девятнадцатому веку? – Райнер лукаво прищурился.

– Соблазнилась строчкой для резюме, – развела руками Леа. – Да и мама всегда описывала Баварию как сказочную страну. Будто речь не о Германии вовсе. Захотелось наконец увидеть своими глазами дворцы, фонтаны и прочие славные выдумки, привлекающие туристов.

– Выдумки? – зловеще уточнил Райнер. – А вдруг все же нет? Например, ты знала, что в саду замка Хоэншвангау растет волшебная роза? Серьезно! Говорят, эта роза – самая настоящая принцесса. В стародавние времена злой колдун, прислужник языческого бога Водана, подбивал клинья к красавице. Он хотел жениться на бедной девушке, но был так страшен и телом, и душой, что принцесса категорически отказала! Тогда колдун, лелея ущемленное колдунское достоинство, обратился к Стражу Штарнбергского озера...

– Что за Страж? – искренне заинтересовалась Леа.

– О, Страж – это местная достопримечательность. По легенде, он охраняет ворота между миром живых и Валгаллой⁹ ... Иногда его называют Хельмдаллем, но, по мне, Страж – это иной персонаж. Не сбивай с мысли. В общем, Страж имеет обыкновение исполнять желание в обмен на жертву. А с жертвами у зловредных колдунов проблем нет, вот и извел злыдень несчастную девушку, превратив в цветок...

Леа фыркнула и, прищурившись, посмотрела на спутника.

⁹ В германо-скандинавской мифологии небесный чертог, куда попадают павшие в бою доблестные воины. Там они продолжают сражаться днем и пировать ночью. – *Прим. ред.*

– Принцесса-розочка? Герр Фаст...

– Райнер.

– Хорошо, Райнер, – сдалась Леа. – А ты точно дипломированный историк? Потому что сказочник-то из тебя отменный, но, во-первых, Хоэншвангау построили в XIX веке – когда колдуны, как известно, официально вымерли вместе с чумой, алхимией и динозаврами. А во-вторых, по-моему, кто-то чересчур вдохновился «Спящей красавицей». Ну или поддался хитрой манипуляции диснеевских пиарщиков. Про летающих пони в здешних местах легенд нет?

Райнер расхохотался.

– Про пони не припомню. Разве что про лебедей... Впрочем, может, это и правда просто сказки. – Райнер на мгновение замолчал. – Но знаешь, Леа... Иногда сказки – не просто развлечения для детей. Это предупреждения. И игнорировать их глупо.

Леа с усмешкой вскинула брови:

– Ну, конечно. В любом случае обещаю не общаться в лесу с малознакомыми волками и не грызть стены пряничных домиков.

Автомобиль въехал в небольшой городок. Сквозь густой туман странного, чуть розоватого оттенка проглядывали контуры колокольни, заросшего сада и свежевыкрашенная табличка с надписью «*Schlossweg*»¹⁰. Похоже, отличное место, чтобы поверить в правдивость легенд.

Попетляв еще немного, «Мини-Купер» с глухим скрипом остановился у большого дома на окраине, прямо между полями и пролеском, обнимающим озеро Штарнберг со всех сторон. Фасад дома украшала аккуратная вывеска с искусно выжженной надписью «*Haus Edelweiss*»¹¹. Райнер с проворностью лиса первым выскочил из машины и, распахнув заднюю пассажирскую дверь, подал Леа руку. Несколько секунд она смотрела на мужчину с выражением оленя, попавшего в свет автомобильных фар, пока Фаст, усмехнувшись, не произнес:

– Вылезай, Бемби, приехали. – Он отступил назад, позволив Леа выйти самостоятельно. – Герр Штайн, вот что с ними всеми не так?

– С кем? – деловито уточнил профессор, распахивая багажник и выставляя чемоданы и рюкзаки.

– С девушками. – Райнер трагично заломил брови. – Ни малейшего шанса не дают почувствовать себя рыцарем. Вот были же времена этого вашего Карла. С рыцарями и дамами...

– Эмансипация, друг мой. Эмансипация. – Профессор улыбнулся, обводя взглядом живописный пейзаж.

Туман рассеялся. До Штарнбергского озера было метров пятьдесят, не больше. Гостевой дом стоял на холме, подножие которого покрывал лиственный лес, исчерченный множеством тропинок для пешеходных и велосипедных прогулок. Чуть правее, ближе к пляжу, пестрели вывески кемпинга. Сквозь кроны высоких лип проглядывала водная гладь, ослепительно сияющая под ярким солнцем.

Леа бросила лишь короткий взгляд в сторону озера, но тут же отвернулась и нарочито внимательно стала разглядывать дом.

– Все хорошо, Леа? – Рука Райнера внезапно легла на плечо, вызывая укол досады.

Заметил.

Еще больше, чем надоедливых болтунов, Леа не любила демонстрировать собственные слабости. А самой большой слабостью девушка считала любое проявление эмоций.

– Все прекрасно, – натянуто улыбнулась она.

Гостевой дом выглядел премиленько.словно со страниц детских сказок сошел. Белые стены, пронизанные вычерченными деревянными балками, ажурные резные ставни. Каж-

¹⁰ Путь к замку (нем.).

¹¹ Дом Эдельвейсов (нем.).

дое окошко снаружи украшали небольшие ящики с петуниями и фиалками. Этакие висячие клумбы. Цветы тянули разноцветные головки к небу, поблескивая капельками еще не сошедшей росы. Слева от входа раздалось протяжное мычание: суета у дверей привлекла коров, прогуливающих неподалеку.

Домик и окрестности казались слишком аккуратными, слишком правильными – и оттого почти нереальными. Гравийная дорожка петляла к крыльцу между подстриженными кустами. Двор утопал в цветах. Цветы в горшках, цветы в оконных ящиках, цветы на клумбах у самого входа. И если цветов, фахверковых домов¹² и коров было в достатке и на Руре¹³, то воздух Баварии разительно отличался. Он пах медовыми травами, парным молоком и свежестью весеннего дождя.

На крыльцо вышли хозяева – крепкий розовощекий мужчина лет шестидесяти с пышными рыжими усами, внушительным животом и в синей клетчатой рубашке, заправленной в короткие кожаные штаны на лямках – ледерхозен. Его массивные ботинки тяжело ступали по ступенькам, но глаза сияли, как у ребенка на рождественской ярмарке.

Следом из приоткрытой двери выпорхнула худощавая, подвижная женщина в светлой блузе с кружевным воротничком и вышитом вручную переднике, на котором распустились васильки и эдельвейсы. Серебристо-пепельные волосы были собраны в скромный пучок, из-под которого выбивались легкие завитки.

Лица пары излучали такое искреннее деревенское радушие, что Леа улыбнулась.

– А вот и наши гостеприимные хозяева, – отчеканил Райнер, шагая навстречу. – Герр Михаэль и фрау Хайке Эдельранк. Прошу любить и жаловать. Моя подруга Леа. Герра Штайна вы знаете.

– Райнер! Вы, как всегда, пунктуальны! – воскликнула хозяйка, целуя Райнера в обе щеки, будто он ей сын родной.

– Илиас, дружище, – тем временем пожимал руку Штайна Михаэль. – Надеюсь, заскочишь на кружечку пива. У меня припасено кое-что новенькое.

Тем временем Леа судорожно перебирала в памяти имена, пытаясь вспомнить, отчего фамилия хозяев гостиницы звучит так знакомо. Она ее точно где-то уже слышала. Неужели от матери?

– А Леа, значит, невеста? – с улыбкой уточнила Хайке.

Леа порывисто вскинула голову и с нескрываемым ужасом уставилась на Райнера. Представить его своим женихом она могла лишь в ночном кошмаре. Смазливый, болтливый, вечно сующий нос не в свои дела и витающий в облаках. Да ее отец, профессор математики, от нее отречется, приведи она это нечто в их дом!

– К глубокому сожалению, дорогая фрау Эдельранк, вы ошибаетесь. Леа – скорее моя коллега. Пока, – поспешно вставил Райнер, непринужденно улыбувшись. – Фройляйн Тиль, как и ваш покорный слуга, историк. Она впервые в Баварии, но я уверен, что сообщаем мы заставим ее влюбиться... – Райнер сделал многозначительную паузу, – в этот благодатный край.

– Историк! – заулыбалась фрау Эдельранк, повернувшись к Леа. – Наша дочь тоже историк и сейчас работает учительницей в гимназии. Она должна приехать на праздники. Будет с кем поболтать! А природа у нас восхитительная. Это правда! Уверена, вы прекрасно проведете время и наберетесь сил. Мы приготовили гостевую комнату с видом на озеро. Вам понравится.

Озеро. Леа, конечно, собиралась своими глазами взглянуть на место гибели матери, чтобы, по совету психолога, окончательно закрыть гештальт. Но внезапно почувствовала себя неготовой. Сон в поезде, легенды Райнера, разговоры об Элизе в машине – все это наложились

¹² Дома, построенные на жестком деревянном каркасе из вертикальных, горизонтальных и диагональных балок, образующих характерный «решетчатый» узор.

¹³ Рур (нем. Ruhr) – река в Западной Германии, протекает по земле Северный Рейн-Вестфалия.

одно на другое. Под ложечкой засосало тревожное предчувствие. В этот момент Райнер крепко сжал ее ладонь и уверенно возразил:

– Дорогая фрау Эдельранк, можно я займу эту чудесную комнату с видом на озеро?

Женщина смутилась и обернулась к столь же озадаченному супругу. Повисла пауза.

– Но, Райнер... – На лице женщины мелькнуло недоумение. – Вы же всегда отказывались от этой чудесной комнаты из-за...

– Ох, – перебил ее Райнер и опустил глаза. – Не хочется разрушать образ храброго рыцаря, но, Леа, я, мягко говоря, боюсь воды. В детстве едва не утонул и с тех пор стараюсь держаться от озер подальше. Но как завоевать сердце прекрасной дамы, не победив собственного страха? Леа, позволишь мне попробовать? Вторая спальня ведь тоже хороша. С видом на луг.

– Да-да, – поспешно закивала фрау Эдельранк. – Там по утрам солнце прямо в окно, а коровы – как на открытке. Меня зовите Хайке, а мужа – Михаэль. У нас все просто.

Леа настороженно кивнула. Она позволила Райнеру подхватить себя под локоть и проводить до спальни.

Комната оказалась именно такой, какой и должна быть спальня в сердце Альп. Светлые стены, отделанные деревянными вставками, огромный резной шкаф цвета спелой вишни, расписной комод с выцветшими медными ручками, ситцевые занавески в цветочек. На комод – керамическая ваза с сухоцветом, небольшая фарфоровая миска и кувшин, на стене – вышитое вручную полотно с девизом: «*Wo die Liebe wohnt, ist das Zuhause*»¹⁴.

Кувшин с миской особенно поразили Леа – слишком уж напомнили романы Джейн Остин. Милая деталь, которая вряд ли могла заменить хороший душ.

– Ванная у нас общая. Вход из коридора, – усмехнулся Райнер, проследив за ее взглядом. – Обещаю не злоупотреблять водными процедурами и быть хорошим соседом.

Леа благодарно кивнула.

На первом этаже соблазнительно пахло сдобой и томленным мясом.

– А тут маленький ресторан, – объяснил Михаэль, когда они спустились за оставшимися вещами. – По утрам завтракают отдыхающие из соседнего кемпинга, а вечерами и местные приходят – поужинать, выпить пива, перекинуться в картишки. Ну и посплетничать, не без этого. Атмосфера почти семейная.

Райнер помог Леа донести чемодан до ее комнаты, забросив свои сумки в соседнюю.

Пока девушка распаковывала вещи, вынимая самое необходимое, Фаст спустился в пивной дворик, и вскоре оттуда послышались голоса. Райнер спорил с профессором Штайном. Разговор шел на повышенных тонах.

Леа насторожилась. Она крадучись спустилась вниз по лестнице и, замерев у выхода на террасу, прислушалась.

– Зачем вы ее сюда притащили?! Нельзя же быть настолько бесчувственным. Не нужен ей ваш Людвиг! В Германии полно симпозиумов на интересующую Леа тему!

– Нельзя вечно бегать от себя! – голос Штайна звучал раздраженно.

– Да... хотя нет! Прекрасно можно жить вдаль от места, где погиб близкий человек! Посмотрите на бедняжку, да она голову в сторону озера боится повернуть.

– Прямо как ты. – Штайн зло усмехнулся. – И вообще, Райнер, ты не забыл, зачем ты здесь? Леа нужна мне тут для дела. А значит, и тебе тоже. Подумай, на чьей ты стороне?

– Я на своей стороне!

– Вот там и оставайся, – с тихой угрозой проговорил Штайн. – А Леа – не твоя забота. Она – важное звено в моей работе. Без нее ничего не получится.

– Что не получится? – резко ответил Райнер. – Вы...

¹⁴ Дом там, где живет любовь (нем.).

Заметив Леа у лестницы, они мгновенно замолчали. Профессор натянуто улыбнулся и подошел, бережно коснувшись ее плеча.

– Я поеду, – сказал он. – Надо подготовиться к встрече с коллегами. Надеюсь, увидимся вечером на открытии. Райнер, *присмотри* за фрау Тиль. Но не докучай. Она девушка серьезная, не про твою честь. А ты, милая, не позволяй этому балаболу втянуть себя в неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.